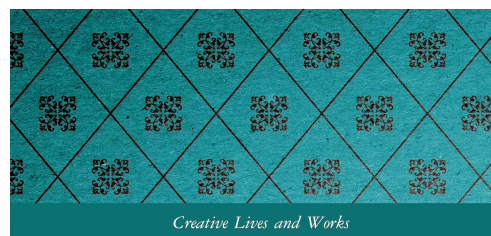

**ТРИ ЭТНОГРАФА УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ
(РЕЦ. НА: HISTORY, CULTURE AND ETHNOGRAPHY:
JACK GOODY, CLIFFORD JAMES GEERTZ
AND PHILIPPE DESCOLA / ED. R. BÉTEILLE. N.Y.:
ROUTLEDGE, 2022. 169 P.)**

А.Л. Елфимов

Алексей Леонидович Елфимов | <http://orcid.org/0000-0003-0659-6709> | elfimov@iea.ras.ru |
к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленин-
ский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

**HISTORY, CULTURE AND
ETHNOGRAPHY**

**JACK GOODY, CLIFFORD JAMES GEERTZ AND
PHILIPPE DESCOLA**

Edited by
Radha Béteille

In conversation with Eric Hobsbawm and
Alan Macfarlane

Британский антрополог и историк Алан Макфарлейн, отметивший в прошлом году 80-летие, на протяжении своей научной карьеры успел записать около 250 интервью с коллегами, среди которых ряд важнейших и интереснейших персоналий в истории гуманитарных и социальных наук прошедшего столетия. Его интерес к интервьюированию коллег вырос, как он сам говорит, из далекого первого опыта полевой работы в Африке, когда он на практике осознал познавательный потенциал качественного интервью, и из студенческих лет в Оксфорде, где он слушал разнообразные рассказы профессоров старшего поколения и пришел к выводу, что для понимания научных концепций гуманитариев необходимо более пристально смотреть не только на их труды, но и на их жизненные пути. В этой его фразе – не случайная переключка с заголовком книги Клиффорда Гирца “Труды и жизнен-

Рецензия поступила 10.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 01.08.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Елфимов А.Л. Три этнографа уходящей эпохи (рец. на: *History, Culture and Ethnography: Jack Goody, Clifford James Geertz and Philippe Descola / Ed. R. Béteille. N.Y.: Routledge, 2022*) // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 5. С. 234–237. <https://doi.org/10.31857/S086954152205013X> EDN: ICBNUQ

Elfimov, A.L. 2022. Tri etnografa ukhodiashchei epokhi [Three Ethnographers of the Ending Era]: A Review of *History, Culture and Ethnography: Jack Goody, Clifford James Geertz and Philippe Descola*, ed. by R. Béteille. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 234–237. <https://doi.org/10.31857/S086954152205013X> EDN: ICBNUQ

ные пути”, поскольку общение с Гирцем Макфарлейн считал чрезвычайно важным и, в частности, помогшим ему переосмыслить свое увлечение интервьюированием с точки зрения более масштабного проекта изучения, как можно было бы сейчас сказать, антропологии академической жизни.

Задача собирания многочисленных интервью Макфарлейна воедино и публикации их в каком-либо цельном издании еще кому-то предстоит. В рассматриваемой же книге опубликованы и намеренно сопоставлены интервью с американским, британским и французским антропологами – Клиффордом Гирцем, Джеком Гуди и Филиппом Дескола. Это интересный выбор. Антропологи эти схожи и не схожи. Классический представитель крыла “liberal arts” в антропологии США, неконформист в стане британской социальной антропологии и французский философ-интеллигент – всех их, однако, объединяет (как это отчетливо высвечивается в интервью) образ либерального антрополога-гуманитария уходящей – или, наверное, уже ушедшей – эпохи. В чем-то их фигуры схожи даже внешне. В чем-то они схожи творчески: все трое мастера литературного жанра и прекрасные писатели. Возможно, это то, что особенно импонировало Макфарлейну, замечавшему, что талант писателя наделяет ученого повышенным чувством рефлексивности и способностью к интроспекции, которая в любом контексте в явной или неявной мере заставляет антрополога прибегать к автоэтнографическому методу мышления. Так это или не так, действительно, все трое в ранние годы прошли через филологическую ступень в образовании: Дескола с детства рос, окруженный книгами и литературой в доме отца-историка, Гуди хотел специализироваться по литературе в университете, Гирц поступил в колледж, желая целенаправленно стать писателем.

У всех троих вслед за литературой обозначился активный интерес к философии, хотя у каждого к своей (марксистской у Гуди, символической философии Витгенштейна и Вебера у Гирца, структуралистской философии Леви-Строса и натуралистической философии Спинозы у Дескола). Всех троих мало впечатляли предшествовавшие им канонические антропологические традиции своих стран, и все трое в некоторой степени учились больше у современников, чем у предшественников. Эрик Хобсбаум, участвовавший в записи интервью Гуди вместе с Макфарлейном, всецело соглашался с Гуди в том, что в их университетские годы образование шло больше по направлению “друг от друга”, чем “сверху вниз” (р. 18). Все трое предпочитали исследования преподаванию и неформальные семинары формальным лекциям. Дескола отзывался о первом организованном им исследовательском семинаре как о месте, где он начал сам понимать антропологию. Гуди вспоминал, что в студенческую пору “университетская жизнь вообще не была особо привлекательной для него” и ему казалось, что “все самое интересное происходило за ее пределами” (р. 21). Гирц, как известно, не любил лекции, каноническое преподавание и любой другой наставительный педагогический жанр, также предпочитая формы равноправного обмена мнениями и аргументами в образовательном процессе.

Все трое не любили академическую бюрократию. Гуди часто замечал, что не стоит “тратить время на формальности”, не стоит “тратить время на администрацию” и не стоит слишком полагаться на популярные американские организационно-бюрократические принципы “brainstorming” или “think tanks” как на генераторы научных идей (“если идеи есть, они выйдут наружу в любом контексте”, – писал он) (р. 5). Гирц признавался, что “никогда не занимал посты управленца”, по возможности “оставался в стороне от антропологической бюрократии США” и по большей части сторонился “деятельности в ассоциациях”. “Я никогда не был ни каким-либо деканом, ни каким-либо заведующим, – говорил он, – ...я просто делаю свою работу” (р. 78).

Макфарлейна весьма интересовал вопрос о происхождении характеров антропологов, и он мягко и осторожно пытался заставить своих собеседников говорить на темы детства, юношества, взросления и вообще личной жизни, очевидно, из тех соображений, что эти этапы уже в чем-то должны были оказать формирующее воздействие на выбор их последующей карьеры – или, во всяком случае, на то, как эта карьера сложилась. Так, разлад семейных отношений в семье родителей Гирца очень рано оставил его наедине с самим собой, привел его в армию, служба в которой неожиданно дала ему первый опыт путешествия на другой конец света (в Японию) и таким образом, возможно, подготовила его к этнографическому восприятию действительности. Дескола хотя и рос в слаженной семье, но очень рано потерял интерес к ее католическим устоям (он говорил, что стал атеистом уже к 10–12 годам), и в школе у него так же рано возникло чувство, что он “дистанцирован от всего” и является скорее “наблюдателем, чем участником в гуще событий”. Это ощущение, замечал Дескола, в дальнейшем органично вросло в его опыт этнографической работы и было, в свою очередь, еще более усилено им (р. 105). На Гуди, как и на Гирца, оказали большое влияние военные годы, которые забросили его на Кипр и в Египет, где он с удивлением познакомился с ранее неведомым ему миром материальной культуры Средиземноморья, заинтересовался археологией и даже прочитал работы Гордона Чайлда. Это приоткрыло для него антропологию как сферу деятельности (хотя, как он иронично замечал, в те годы ему казалось, что познаний и умений у него хватило бы лишь на то, чтобы стать “профессиональным игроком в бридж” [р. 19]).

Все трое любили этнографическую полевую работу, признавали ее крайнюю сложность и вместе с тем признавали тот факт, что она повлияла на их антропологическое мышление больше, чем академические концепции и теории. “Я получил чрезвычайно много от своей полевой работы в Гане, – говорил Гуди, – я был вынужден сидеть на одном месте два года и просто наблюдать <...> Это пробудило во мне интерес к ряду аспектов социальной жизни, которыми уж никогда не думал, что заинтересуюсь” (р. 22). Его долговременное научное увлечение беспыльменными обществами началось именно там, в поле, где его поразили способы общественной организации, не опирающиеся на привычные западному человеку системы фиксации всего общественно значимого на письме. Подобным же образом Дескола вынес свои знаменитые концепции “не-человеческого” из поля, из своего опыта этнографической работы среди амазонских индейцев, а не из стен университета, где его стандартно учили, что отличительные черты амазонских обществ – это “отсутствие каких-либо социальных институтов” и то, что люди, живущие в них, “очень близки к природе” (р. 114). Хотя эта романтическая идея оказалась по-своему полезной, ибо все-таки завлекла и привела его в поле, реальность включенного наблюдения быстро заставила его обратить внимание на то, что социальные отношения в этих обществах во многом продиктовывались тем, что люди в данном географическом регионе жили очень дисперсно, концентрация людей была очень мала. “Именно тогда, – замечал Дескола, – я точно понял одну из многих причин, по которой там существовали такие тесные взаимоотношения с не-человеческими [элементами]. Когда ты выходишь из хижины, ты не видишь людей, но тут же погружаешься в море не-человеческих существ – растений, животных и так далее” (р. 118). Гирц отмечал, что полевая работа важна тем, что оказывает “депровинциализирующее” воздействие на наши мыслительные установки, она позволяет нам отбросить по крайней мере некоторые стереотипы, некритично усвоенные нами в своей собственной культуре. Весьма любопытно, что на вопрос Макфарлейна о том, насколько полевая работа представляется ему “зеркалом”, помогающим понять свое собственное общество, Гирц ответил не совсем в духе традиций интерпретативной антропологии (с ее известным упо-

ром на идеи “культурной критики” и “репатриации” антропологического знания). “Она, конечно, поможет вам понять свое место в Америке, – сказал он, – ... но это как раз не то, что нам надлежит делать. Я не изучаю яванцев, чтобы понять США; я изучаю яванцев, чтобы понять яванцев” (р. 68). Гирц добавлял, что в его случае опыт проведения полевых исследований в двух разных культурах – Индонезии и Марокко – дал ему неожиданную возможность гораздо лучше понять каждую из этих двух культур (“Поехав в Марокко, я узнал о Яве гораздо больше, чем узнал бы, если б продолжил ездить лишь непосредственно на Яву”). Сравнительный метод и дополнительная точка отсчета гораздо лучше помогают в том, чтобы “не смотреть на изучаемое общество – Яву или Марокко – исключительно через призму американцев” (р. 73).

Если в чем-то три замечательных антрополога и отличались в отношении полевой работы, так это в том, что для Гуди и Дескола сложные общества (подобные Индонезии) представлялись плохо изучаемыми этнографически; оба признавались, что как этнографы они предпочитали более простые общества. Гуди говорил, что он испытывал дискомфорт от мысли о том, чтобы поехать проводить исследования в цивилизацию с тысячелетней историей (как, например, Индию или Китай), ибо это потребовало бы невозможно долгого предварительного изучения языка, письменности, культуры, устоев и прочего. Дескола вторил ему, замечая, что в азиатских обществах с их бесконечными перекрестиями истории, религий, торговых путей все было настолько сложно, что нужно было обладать невероятными объемами знаний, чтобы быть в состоянии понимать даже простейшие факты. Гирц, впрочем, соглашался с ними, говоря, что невозможно с помощью одной лишь записной книжки и карандаша исследовать место с населением в 220 миллионов и с историей в 2 тысячи лет. Однако, парировал он, “с помощью записной книжки и карандаша можно узнать вещи, которые человек, вооруженный моделями вычисления ВВП, узнать не сможет” (р. 83). Не в этом ли до сих пор кроется сильная сторона этнографии? Или в этом был какой-то специфический этос уходящей научной эпохи, блестящими представителями которой были Гуди, Гирц и Дескола?

Эта небольшая книжка – интересное историографическое начинание. Однако, зная объем работ Макфарлейна, можно сожалеть о том, что она весьма коротка. Составитель, Радха Бетей, вполне мог бы потрудиться получше. Иными словами, инициатива замечательная, но исполнение – пожалуй, студенческое. Все это опубликовано группой Taylor & Francis, огромный логотип которой зачем-то повторяется через каждый десяток страниц, а то и чаще, в качестве водяного знака, занимающего целую пустую страницу. В общем, вряд ли нужный в данной камерной публикации апофеоз корпоративной рекламы (то, против чего были построены и Гуди, и Гирц, и Дескола).

Book Review

Elfimov, A.L. Three Ethnographers of the Ending Era [Tri etnografa ukhodiashchei epokhi]: A Review of *History, Culture and Ethnography: Jack Goody, Clifford James Geertz and Phillippe Descola*, ed. by R. Béteille. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 234–237. <https://doi.org/10.31857/S086954152205013X> EDN: ICBNUQ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexei Elfimov | <http://orcid.org/0000-0003-0659-6709> | elfimov@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)